

ТАМАШ КРАУС

ЗАМЕЧАНИЯ О ПРИРОДЕ СОВРЕМЕННОЙ РУСО- И СОВЕТОФОБИИ¹

REMARKS ON THE NATURE OF MODERN RUSSO- AND SOVIETOPHOBIA

In the course of its historical evolution, Russophobia has undergone many changes and manifested itself in many varieties from the early British tradition and fascism/Nazism up to modern forms of „democratic” Russophobia existing in the western center of the world system. In this area, national peculiarities in the Eastern European region have led to the emergence of a special variety of forms of modern Russophobia in various fields from political struggle to memory politics. All these forms are connected by a common motive in historically changing ways and means – geopolitical competition and rivalry of states in the hierarchical structure of the world system, specifically manifested in the struggle that the great powers and their allies are waging for control over markets, trade routes, energy and raw materials sources, and zones of interest, in a word, over accumulation structures of capital. In fact, Russophobia is an ideological justification for the geopolitical expansion of the „collective West”, which, under the banner of democracy, has served as a trigger for the renaissance of wild, authoritarian ethno-nationalism and/or pro-Nazism in Ukraine and throughout Eastern Europe and at the same time was supposed to ensure national cohesion in large and small states of the region, primarily in opposition to Russia.

Keywords: Russophobia, Sovietophobia, geopolitics, memory politics in Eastern Europe, Russia, Ukraine

Tamás Krausz – DSc in History, Professor Emeritus, Russian Studies Centre, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University. E-mail: centre@russianstudies.hu

1 This study is a written version of a lecture given at the ‘Memory Politics and Russophobia in Central and Eastern Europe and Russia’ conference held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

*Citation: TAMÁS KRAUSZ, “Zamechaniia o prirode sovremennoi ruso- i sovetofobii” [Remarks on the Nature of Modern Russo- and Sovietophobia], *RussianStudiesHu* 5, no. 2 (2023): 137–150. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.18*

ЧТО ТАКОЕ РУСОФОБИЯ?

Если поместить явление русофобии в контекст событий, происходящих сегодня в мире, то вряд ли можно спорить с тем, что в этой области водоразделом, временем возникновения нового качества, стал исторический период, называемый сменой общественного строя (1989–91). Место СССР, а после распада биполярного мирового порядка – России в мире как по отношению к соседям, так и по отношению к глобальным партнерам радикально изменилось. В результате глобализации в неолиберальном мире реставрированного капитализма ответы на вызовы эпохи формировались уже в духе нового времени, в духе этнонационализма.² Повторный расцвет русофобии стал одним из странных проявлений этого духа. Конечно, современная русофобия понятийно связана со своими историческими предпосылками.³ Уже в процессе ее возникновения действовали реальные геостратегические силы истории: геополитические столкновения интересов великих держав, то есть мотивы экономической и политической конкурентной борьбы, шедшей на базе многочисленных и многообразных вариантов локального развития. С другой стороны, современная русофобия, демонизация России как «империи зла» за последние тридцать лет в конечном итоге утвердилась в Восточной Европе и государствах-преемниках СССР в качестве интеллектуальной репрезентации нового властно-политического союза, который рассматривал и рассматривает Россию как главное препятствие на пути национального существования и процветания, самую значительную преграду, мешающую «присоединиться» к Западу, «догнать» его.

Переломным моментом, «первородным грехом» стала идеологизация процесса новой изоляции России, к которой Запад приступил уже в начале 90-х гг. Более чем символическим рядом событий этого процесса стало неспровоцированное Россией многоэтапное расширение, продвижение НАТО на восток до самых границ России. Между тем в период объединения Германии руководитель западных держав публич-

2 JÓZSEF JUHÁSZ, TAMÁS KRAUSZ (szerk.), *Az új nemzetállamok és az etnikai tisztogatások Kelet-Európában 1989 után* (Budapest: L'Harmattan Kiadó–ELTE BTK Kelet-Európa Története Tanszék, 2009); TAMÁS KRAUSZ, „Néhány megjegyzés a rendszerváltás ideológiájáról”, *Eszmélet* 123 (2019 ősz): 23–27.

3 JOHN HOWES GLEASON, *The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950).

но отказались от продвижения НАТО в восточном направлении.⁴ В этом смысле русофобия является общим политическим и идеологическим инструментом для местных восточноевропейских популистских, этнонационалистических властных режимов и поддерживающих их групп, осуществлявших «смену общественного строя», а также политических классов западных либеральных держав, прежде всего США, Канады и Великобритании. В рамках идеологической конструкции, объявляющих Россию врагом, находят свое выражение важные стремления определенных государственных силовых центров, институтов и общественных групп. «Сдерживание» России оставляет в тени тот факт, что Запад обладает значительным экономическим и военным преимуществом перед Россией, поскольку Россия в сравнении с СССР располагает гораздо меньшим экономическим и политическим влиянием в мире. Конечно, не вызывает сомнений, что понятием «русофобии» можно злоупотреблять и на почве русского (российского) национализма⁵ (естественно, в этом смысле в ходе политической борьбы злоупотребляют всеми относящимися к политике понятиями, например понятиями антисемитизма, исламофобии и др., однако было бы неразумно на этом основании ставить под сомнение их существование).

В процессе своей исторической эволюции русофобия претерпела много изменений и проявлялась во многих разновидностях – главным образом в западном центре мировой системы. В этой области национальные особенности в восточноевропейском регионе привели к появлению особого многообразия форм русофобии в разных областях – от политической борьбы до политики памяти.⁶ Все эти формы исто-

4 Этот переломный момент, этот «скандальный факт» признается и аналитиком, представляющим интересы немецкой властной элиты, ведь после открытия для исследователей соответствующей группы документов ЦРУ в нашем распоряжении появился богатый корпус источников. Ср.: <https://www.spiegel.de/international/world/nato-s-eastward-expansion-is-vladimir-putin-right-a-bf318d2c-7aeb-4b59-8d5f-1d8c94e1964d>.

5 Об этом см., напр.: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/12/24/790192-rusofobiya> Пронизанный религиозными идеологиями этнонационализм стал цементирующим материалом для строительства новых, «демократических», капиталистических национальных государств практически во всем регионе, где произошла смена общественного строя. Националистическое крыло властной элиты намеревалось компенсировать потерю, «девальвацию» экономической самостоятельности в сфере политики и культуры. «Этнонационалистический ренессанс» стал одной из важных функций государственного национализма, исключив классовую идентичность. Ср.: https://epa.oszk.hu/01700/01739/00108/pdf/EPA01739_eszmelet_123_005-054.pdf

6 В этой связи на нашей конференции также были представлены важные источники.

рически связаны с уже упомянутым общим мотивом – геополитической конкурентной борьбой и соперничеством государств в иерархической структуре мировой системы, что конкретно проявляется в той борьбе, которую великие державы и их союзники ведут за контроль над рынками, торговыми путями, источниками энергии и сырья, зонами интересов, одним словом, над структурами накопления капитала. Другой содержательной особенностью понятия является то, что сама русофобия как историческое явление организована сверху соответствующими институтами правящих элит. Однако в отличие от антисемитизма русофобия не имеет корней в массовых движениях. В этом отношении исключением кажется только современная Украина, которая является, по всей видимости, наиболее заметным местом взрыва русофобии, ставшего по-настоящему опасным после обострения противоречий между Россией и США-НАТО-ЕС. Однако какой бы массовой ни была русофобия в Украине, в основном это организованное сверху государством или политическими и военными средствами многоликое историческое явление, которое заняло особую позицию в процессе строительства национального государства.⁷ Что касается «качества» этого явления, то оно имеет особый характер, так как не имеет под собой фундамента расовой теории. Хотя русофобия как идеология межгосударственной конкуренции – это разновидность расизма, она является видом цивилизационного или культурного расизма, так как выражает элементы превосходства западной культуры над русской-российской-советской культурой. Русофобия является проявлением дихотомного мышления, она описывает мир как дихотомию «хорошего Запада» и «злобного Востока» (России), в рамках которой идет борьба демократии и авторитарии. Фактически русофобия представляет собой идеологическое оправдание геополитической экспансии «коллективного Запада», которая под флагом демократии послужила триггером ренессанса дикого, авторитарного этнонационализма и/или пронацизма в Украине и во всей Восточной Европе. В то же время русофобия должна была обеспечить национальную сплоченность в больших и малых государствах региона прежде всего в противовес России.

7 Многие в сущности этой проблемы проясняют ее аспекты, связанные с политикой памяти. Об этом см.: А. И. Миллер, Д. В. Ефременко (ред.), *Методологические вопросы изучения политики памяти* (Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018); А. Миллер, Д. Ефременко (ред.), *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы* (Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУСОФОБСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Характерный для современной, базирующейся на геополитике русофобии образ России резче всего вырисовывается в тех соседних с Россией странах, которые в течение исторически длительного времени были непосредственно связаны с Россией, а позже с СССР. В этом отношении важную роль, наряду с балтийскими странами, играет Польша. Ссылаясь на современные проявления русофобии, ту же самую проблему сформулировал в отношении одного конкретного национального государства Витольд Модзелевский, член Национального совета по развитию при президенте Польши, профессор Варшавского университета, который 11 июня в статье для издания *Myśl Polska* рассказал о причинах русофобских настроений у некоторых польских политиков. Модзелевский уверен, что таким образом польские политики стараются угодить «великому покровителю» в лице США. Модзелевский также заявил, что «стратегический союз» Варшавы и Вашингтона носит антироссийский характер. «Ваша глубокая ненависть ко всему российскому или советскому проистекает из очевидной для вас убежденности в том, что наш всесильный покровитель, единственный защитник свободного мира и чего-то там еще всегда занимал и будет занимать антироссийскую позицию, а вас за вашу решимость в словесных атаках на «империю зла» он может даже похвалить», — утверждает профессор.

По мнению Модзелевского, США могут пойти на сближение с Россией, и тогда польская русофобия внезапно исчезнет. Исчезнет она или нет, этого мы не знаем, это лишь предположение. Польская, балтийская, украинская, одним словом, восточноевропейская русофобия укоренилась не просто как один из краеугольных камней самоутверждения, «освобождения» национально-государственных режимов, она, как я уже указывал выше, функционирует и как элемент национальной сплоченности. Хотя оказавшая наибольшее влияние «научная», а на самом деле публицистическая и политическая «идеологизация», интеллектуальное обоснование русофобии были осуществлены на Западе и в России. Имеет смысл показать или проиллюстрировать суть этого явления на примере некоторых его аспектов.

Явление современной русофобии не вневременно и внепространственно, оно всегда является частью и продуктом конкретной, локальной исторической ситуации. В соответствии с этим отличительный признак современной русофобии заключается именно в том, что она не

может быть отделена от советофобии.⁸ Эта *сращенность* хорошо иллюстрируется с помощью работ двух очень разных авторов. С 60-х гг. «изучение ГУЛАГ-а» Александром Солженицыным, который со временем стал идеологом русского национализма, и его связанное с этим литературное творчество казалось бы, странным образом постепенно превратились в цементирующий материал здания современной русофобии, поскольку в этом творчестве неразрывная историческая связь социализма с Россией была показана посредством символики ГУЛАГ-а. В итоге возникла устойчивая мыслительная конструкция, которая зажила самостоятельной жизнью и в идеологическом поле геополитики. Сама же тематика ГУЛАГ-а настолько оторвалась от исторической реальности, от изучения источников, что для доказательства «десятков миллионов» жертв уже нет нужды в ссылках на архивные данные. Аутентичные данные, полученные в конце перестройки скончавшимся несколько лет назад замечательным архивистом и историком В. Н. Земсковым и опубликованные нами на венгерском языке еще в 1991 г.,⁹ ныне просто «сошли с повестки дня», оказались непригодными для пропагандистской программы современной русофобии, где достоверные данные кажутся недостаточными в духе А. Солженицына или Р. Конквеста.¹⁰

Получившая в последнее время известность в Восточной Европе американская журналистка Энн Аппельбаум, которая выступает и в качестве историка, выполняющего миссию по криминализации русской истории, и в роли «знатока всех тайн», также пытается найти суть всей советской истории в тематике ГУЛАГ-а, с помощью которой и криминализует ее. Работы Энн Аппельбаум можно прочитать и на венгерском языке.¹¹ Хотя автор явно не знает самых основных правил критики источников, она все же обладает огромной пропагандистской

8 Об этом см., например, статью о том, как восточноевропейские фашистские группы эпохи холодной войны нашли приют в Канаде, а советофобия «переросла» в русофобию: R. SANDERS, „Hogyan talált otthonra Kanadában a kelet-európai hidegháborús fasizmus?“, *Eszmélet* 132. (2021 tél): 38-48.

9 V. NY. ZEMSKOV, *A Gulag – Tényekben, adatokban* (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 1991). Об этом см. еще: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=783>

10 Об этой фальсификации истории и ее влиянии в Венгрии см.: TAMÁS KRAUSZ, „Egy hamisítás története“, *Népszabadság* 2003.12.19. <http://nol.hu/archivum/archiv-139756-119747>

11 ANNE APPLEBAUM, *A Gulag története I-II* (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2004); ANNE APPLEBAUM, *Vasfüggöny – Kelet-Európa megtörése 1944–1956* (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2014); ANNE APPLEBAUM, *Vörös éhínség – Sztálin háborúja Ukrajna ellen* (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2020); ANNE APPLEBAUM, *Kelet és Nyugat között – Európa határvidékén* (Budapest: Örökség Kultúrpolitikai Intézet, 2016).

и медийной поддержкой, которая обеспечивает согласование ее «научной» и политической миссии (а также миссии в области политики памяти). Ее деятельность хорошо показывает, что политический «заказ» непосредственно пронизывает научный мир от Вашингтона до Будапешта. Аппельбаум старается сочлнить польскую и венгерскую праворадикальную политику памяти с неолиберальным представлением о демократии. Она «демократизирует» восточноевропейскую политику памяти с целью обеспечить ей респектабельность в глазах американского мейнстрима.¹² Деятельность Аппельбаум или, скажем, Т. Снайдера¹³, является типичным примером того, как в тематике ГУЛАГ-а или в военной тематике самым непосредственным образом переплетаются русо- и советофобия, основа для чего, как это ни парадоксально, была заложена инакомыслящим Солженицыном.¹⁴

Русофобия получает большую помощь от исторической науки. Нередким является прием такого типа, когда поддельные фотографии призваны документировать одинаковую сущность нацизма и «коммунизма». Например, фотография польской девочки в лагере смерти выдается за фотографию жертвы ГУЛАГ-а.¹⁵ В Венгрии также случилось так, что один профессор представил жертвами советских солдат евреев, застреленных нацистами или нилашистами перед освобожденным советскими войсками еврейским гетто и сфотографированных знаменитым советским фотографом Халдеем.¹⁶ Другой известный историк в духе Нольте проводит аналогию между Красной армией и нацистами, возводя последних на высокий культурный уровень к «вящей славе» русофобии.¹⁷ Постоянное и совершенно непоследовательное смеше-

12 Журнал Nation о новой книге А. Эпплбаум: Расцвет демократии: „...she does not acknowledge how her past and present worldview—one supportive of neoliberal economics, military adventurism, and elite meritocracy—might also have created the room for the far right”. By David KlionTwitter JANUARY 11, 2021

13 DANIEL LAZARE, „Timothy Snyder hazugságai. Timothy Snyder: Véres övezet. Európa Hitler és Sztálin szorításában. Budapest, Park Könyvkiadó, 2010.”, *Eszmélet*, 125. (2020. tavasz): 179–233.

14 См.: ALEKSZANDER SZOLZSENYICIN, *Az “orosz kérdés” a XX. század végén* (Budapest: Európa Könyvkiadó, 1997).

15 https://aif.ru/society/people/prigovorennaya_v_sssr_kak_pogibshuyu_v_osvencime_vydayut_za_zhertvu_gulaga

16 См.: PETER PASTOR, „Fényképek mint történelmi dokumentumok. Jevgenyij Haldej két, Budapesten készült fotójának vizsgálata”, *Eszmélet*, 121. (2019. tavasz).

17 См.: КРИСТИАН УНГВАРИ В ЗАКЛЮЧАЮЩЕЙ ЧАСТИ СВОЕЙ КНИГИ “ВЕНГЕРСКИЕ ОККУПАЦИОННЫЕ ОТРЯДЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ” ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ОСНОВАМ РУСОФОБСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В ДУХЕ “КУЛЬТУРРАССИЗМА”.

ние слов *советский* и *русский* является одним из своеобразных приемов, средств русофобии, который ныне, можно сказать, закрепился в качестве «народного предрассудка». Конечно, глобальное распространение неразделимости русо- и советофобии нельзя считать лишь продуктом современных событий. Как раз наоборот. Оно неотделимо от множества явлений и фактов, из которых подробно остановимся лишь на одном элементе – «традиции». Общеизвестно, что во время Второй мировой войны многие солдаты армий, сражавшихся в союзе с нацистской Германией, например, румынской или венгерской, а также некоторые гражданские жители этих стран попали в советский плен. В период «реального социализма» опыт плена долгое время был «подавлен» и дремал в глубине национальной памяти, а после смены общественного строя вырвался на поверхность. Однако в интерпретациях, обосновывающих существующий режим власти, военный союз с нацистами почти незаметно переместился из понятия «военного преступления» в тематику «национальной обиды». Таким образом, обращение с военнопленными превратилось в самостоятельный нарратив, отделенный от *исторического целого*. Документальное подтверждение, описание более чем трехлетней террористической, оккупационной деятельности венгерских оккупационных войск, обеспечивавших функционирование нацистского геноцида на территории СССР, по-прежнему считается «коммунистической пропагандой». Между тем факт геноцида был признан командующим участвовавших в нем венгерских частей. Более того, на украинском процессе генералов в 1947 г., на котором были осуждены венгерские военные преступники, он выразил искреннее раскаяние. Дошло до того, что в результате «повествования о страданиях» поменялись роли палача и жертвы и на алтаре принесения общенациональной жертвы исчезло различие между «хорошей и плохой стороной». Но обо всем по порядку.

О ПЕРЕПЛЕТЕНИИ НИТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РУСОФОБИИ В СВЕТЕ ТРЕХ ДОКУМЕНТОВ

В упомянутом выше документе, связанном с процессом генералов (Алдья Папп Золтан), отражается то, что венгерские оккупационные силы на территории СССР во время войны принимали участие в геноциде не только против евреев, но и вообще против советского населения, народов СССР. В указанном месте генерал Золтан Алдя-Папп,

главнокомандующий оккупационными войсками, сказал: «...признаю, что в качестве командующего 105-й дивизии Восточной оккупационной группы ... принимал участие в уничтожении и порабощении украинского советского народа».¹⁸ Но большинство венгерских историков, занимающихся этими вопросами, не готовы примириться с фактом геноцида, потому что видят в этом оскорбление национальной гордости и ссылаются на то, что венгерские солдаты "не сознательно" принимали участие в тех «событиях».¹⁹ Это явление перешло в русофобию, когда оккупацию начали оправдывать или релятивизировать аргументами этики намерений. Более высокой степенью русофобии, как отмечалось выше, является ликвидация качественной разницы между советской и немецкой стороной, более того, прямое использование аргумента о культурном превосходстве немцев и венгров над русскими и советскими людьми.²⁰ Не приходится удивляться тому, что документы такого типа не имеют значения для авторов, которые и сегодня поклоняются идее о «европейском культурном превосходстве».

В Украине такой подход был зафиксирован в законе о т. н. декоммунизации.²¹ 16 июля 2019 г. КСУ принял и опубликовал решение, по которому закон Украины «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрещения пропаганды их символики» признан конституционным. Документ прямо, «конституционно» путает советское и русское, истребление советских памятников *in statu nascendi* практически выметает все русское вместе с советским, потому-что юридически

18 TAMÁS KRAUSZ, ÉVA MÁRIA VARGA (szerk.), *A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok 1941-1947* (Budapest: L'Harmattan, 2013), 38., 57.

19 Ср.: IGNÁC ROMSICS, *Magyarország története* (Budapest, Kossuth Könyvkiadó, 2017), 420.

20 Об этом см.: TAMÁS KRAUSZ, *Történetírás és emlékezetpolitika* (Budapest, Russica Pannonicana, 2021). См. особенно критику подобных взглядов, содержащихся в книге Кристиана Унгвари. Подход, согласно которому в мнениях и документах советских жертв венгерских солдат усматривается «преконцепция», в то время как документы о страданиях венгерских жертв непременно считаются достоверными, уже стал органической частью работ молодых венгерских историков. Так обстоит дело здесь и сейчас с «национальным углом зрения» на историю. См., напр.: http://www.belvedere-meridionale.hu/wp-content/uploads/2019/02/03_%20P%C3%A9terffy_2019_02.pdf 46. См. еще мою критику на академическое издание, инспирированное упомянутым выше сборником документов: TAMÁS KRAUSZ, „Egy levéltári kurzuskötet a Győzelem 70. évében”, http://epa.oszk.hu/01700/01739/00091/pdf/EPA01739_eszmelet_106_086-099.pdf

21 https://zib.com.ua/ua/141170-zakon_o_dekommunizacii_sootvetstvuyut_li_sredstva_presleduem.html

(может быть не только юридически) невозможно отселять эти явления. Все это лишь правовое «продолжение» героизации нацистских пособников Бандеры и Шухевича.

На самом деле это документ не только декоммунизации, но и десоветизации. В нем снова, уже в юридической форме, проявляется то, что русофобия, смешанная с советофобией является средством сплочения нации против российского государства. В этом смысле новое украинское национальное государство официально отрицает, больше того, уничтожает свою предысторию, что практически привело к запрещению публичного использования русского языка²²: единственным государственным языком был объявлен украинский. И это произошло в стране, где среди 40 миллионов населения насчитывается около 17 миллионов лиц русской национальности.... Критическое освещение этой точки зрения в исторической науке произошло уже десять лет назад: дискуссия, состоявшаяся на страницах журнала *Krytyka*, показала, что в Украине значительная часть либеральной интеллигенции при поддержке некоторых западных коллег готовы принять легитимационный нарратив, который отрицает совершение преступлений против человечности, участие в Холокосте, этнические чистки и фашистские преступления. Вместо оспаривания традиционного советского подхода при анализе украинской истории они предпочитают следовать за Ющенко, который провозглашает национальными героями фашистов, антисемитов и военных преступников, ставя их в пример молодежи. Тем самым строительство нации и консолидация государства оказываются важнее демократических принципов и жертв ООН и УПА.²³

Третий документ, который обсуждался и был принят Европарламентом в сентябре и октябре 2019 г.,²⁴ однозначно отражает тот факт, что «восточноевропейский настрой» существует на «глобальном» уровне, свидетельствует о том, что в Евросоюзе русофобия может быть свободно трансформирована в официальную легитимацию «местных» восточноевропейских национальных государств. Не случайно, под влиянием этого документа чешские либералы демонтировали в 6-м районе Праги памятник «освободителю» чешской столицы маршалу Коневу.

22 <https://tass.ru/politika/11959949>; <https://www.rbc.ru/society/16/01/2022/61e26b6f9a7947e28b349d10>

23 GRZEGORZ ROSSOLIŃSKI, „Liebe and Per Anders Rudling, Review of Krytyka (Hrsg.): Krytyka. Hefte 3–4; 7–8; 9–10”. Kyiv, 2010, In H-Soz-u-Kult, June 15, 2011

24 https://en.wikipedia.org/wiki/European_Parliament_resolution_of_19_September_2019_on_the_importance_of_European_remembrance_for_the_future_of_Europe

Таким образом, этот документ предлагает интерпретационную модель уже на международном уровне, связывает местные и центральный уровни и создает идейную структуру, определяющую глобальную легитимацию новой эпохи. Идеологические рамки этого поворотного явления – отождествление СССР с нацистской Германией, преувеличение достоинств западных союзников, недооценка советских военных усилий, прямая фальсификация событий начала Второй Мировой войны. Эти тезисы сегодня являются общей точкой правительственной политики памяти восточно-европейских государств.²⁵

В этих странах политика памяти контролируется сетью музеев памяти, государственными комитетами и институтами истории и т.д. От Львова до Будапешта, от Вильнюса до Варшавы эти институты поддерживают политические и моральные позиции властвующих элит. Не случайно, что вышеупомянутый документ Европарламента был придуман литовским политиком.

В итоге документе Евросоюза в русле литовской политики памяти советское государство, а с ним и Российская Федерация, отождествляется с нацистским режимом, социализм отождествляется со сталинизмом, сталинизм отождествляется с нацизмом. В итоге дело дошло уже до релятивизации Холокоста. Армия, которая погасила печи концлагеря смерти Освенцима, ставится на один уровень с теми армиями, которые напали на Советский Союз и осуществили геноцид народов СССР. Релятивизируется граница между жертвами и палачами. Так выглядит «мирный договор» в политике памяти по европейскому образцу. И все это ради борьбы против российской политики памяти в отношении Великой отечественной войны.

Подведем итоги. В рамках данной статьи была предпринята попытка отделить русофобию от советофобии в рамках политики памяти. Но это невозможно, потому что советский период как прошлое русского и всех других народов переплетался с судьбой Советского Союза. Не случайно, что криминализация истории СССР неизбежно идет рука об руку с русофобией, о чем свидетельствуют анализы документов.

25 Это я уже изложил на международной конференции в Москве: Конференция Института всеобщей истории Российской академии наук по случаю 80-й годовщины начала Второй мировой войны. (2–3 октября 2019 г.) Отредактированная версия лекции. Первая публикация — 2019. ТАМАШ КРАУС, *Судьба идей в истории ссср и после.../* Под общей редакцией М. С. Петровой (М.: Аквилон, 2020), Часть вторая: Война и геноцид, 130.

В то же время необходимо подчеркнуть, что в данном случае Россия выступает не в роли жертвы. Даже российские эксперименты декоммунизации Великой Отечественной войны во имя новой, «современной» политики памяти ведут к новым мифам о войне в которой народ не был организован коммунистической партией и другими институтами советской системы, а воевал сам по себе, как говорится, на свой страх и риск. Это совершенно абстрактное представление совсем не считается со сложными противоречиями истории. Более того, именно в результате своего абстрактного характера оно открывает дорогу для оправдания нацистских коллаборантов – реабилитации власовцев и бандеровцев... На месте советских мифов уже давным давно появились новые мифы: как однажды сказал академик Пивоваров, Отечественная война не существовала, Отечественная война - это миф. Однако на самом деле новый миф заключается в том, что Отечественная война – миф. Это миф, который укоренился за пределами России, который стал исходным пунктом русофобской политики памяти большинства малых восточноевропейских государств, став элементом национального сплочения. Русофобский миф создает своеобразное согласие между либеральными и консервативными политическими течениями в регионе и за его пределами. В мире идей современной русо- и советофобии «классическим» мифом стал «маленький человек» как игрушка больших, «необъятных» держав, он заслуживает того, чтобы ему наконец, была воссоздана справедливость...²⁶

References

ANNE APPLEBAUM, *A Gulag története I-II* [Gulag: A history I-II] (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2004).

ANNE APPLEBAUM, *Kelet és Nyugat között – Európa határvidékén* [Between East and West: Across the Borderlands of Europe] (Budapest: Örökség Kulturpolitikai Intézet, 2016).

ANNE APPLEBAUM, *Vasfüggöny – Kelet-Európa megtörése 1944–1956* [Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe, 1944–1956] (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2014).

26 Ср.: <https://444.hu/2022/02/13/orultsegbe-rangattak-bele-a-budapestrol-kitoro-nemetes-magyar-katonakat...> В этом духе в Венгрии случилось так, что, по инициативе упомянутого выше историка, для нынешнего руководства Будапешта и либеральных СМИ «день прорыва», то есть «героическое» деяние отрядов «С», вырвавшихся из кольца осады, «незаметно» стал памятным днем. Так выглядит ситуация, когда историк превращается в «политика памяти», воплощающего «дух эпохи», идеолога тезиса «все – жертвы».

ANNE APPLEBAUM, *Vörös éhínség – Sztálin háborúja Ukrajna ellen* [Red Famine: Stalin's War on Ukraine] (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2020).

„Asztal körül – Rendszerváltás, 1989-2019” [Roundtable – Regime Change, 1989-2019], *Eszmélet* 31, no. 123 (2019. ősz): 5–54.

https://epa.oszk.hu/01700/01739/00108/pdf/EPA01739_eszmelet_123_005-054.pdf (Accessed 28.02.2021).

DÁNIEL CSURGÓ, Őrületségbe rángatták bele a Budapestről kitörő német és magyar katonákat [The German and Hungarian Soldiers breaking out of Budapest were Dragged into Madness] <https://444.hu/2022/02/13/orultsegebe-rangattak-bele-a-budapestrol-kitoro-nemet-es-magyar-katonakat> (Accessed 21.03.2021).

European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe https://en.wikipedia.org/wiki/European_Parliament_resolution_of_19_September_2019_on_the_importance_of_European_remembrance_for_the_future_of_Europe (Accessed 28.02.2021).

JOHN HOWES GLEASON, *The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950).

JÓZSEF JUHÁSZ, TAMÁS KRAUSZ (szerk.), *Az új nemzetállamok és az etnikai tisztogatások Kelet-Európában 1989 után* [The New Nation States and Ethnic Cleansing in Eastern Europe after 1989] (Budapest: L'Harmattan Kiadó–ELTE BTK Kelet-Európa Története Tanszék, 2009).

TAMÁS KRAUSZ, „Egy hamisítás története” [The Story of a Forgery], *Népszabadság* 2003.12.19. <http://nol.hu/archivum/archiv-139756-119747> (Accessed 21.03.2021).

TAMÁS KRAUSZ, „Egy levéltári kurzuskötet a Győzelem 70. évében”, [A Collection of Political Writings from the Archives in the 70th Year of Victory]

http://epa.oszk.hu/01700/01739/00091/pdf/EPA01739_eszmelet_106_086-099.pdf (Accessed 21.03.2021).

TAMÁS KRAUSZ, „Néhány megjegyzés a rendszerváltás ideologikumáról” [Some Remarks on the Ideology of the Regime Change], *Eszmélet* 123 (2019 ősz): 23–27.

TAMÁS KRAUSZ, *Történetírás és emlékezetpolitika* [Historiography and Memory Politics] (Budapest, Russica Pannonicana, 2021).

TAMÁS KRAUSZ, ÉVA MÁRIA VARGA (szerk.), *A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok 1941–1947* [The Hungarian Occupying Forces in the Soviet Union. Archival Documents 1941–1947] (Budapest: L'Harmattan, 2013), 38., 57.

DANIEL LAZARE, „Timothy Snyder hazugságai. Timothy Snyder: Véres övezet. Európa Hitler és Sztálin szorításában. Budapest, Park Könyvkiadó, 2010.” [Timothy Snyder's Lies. Timothy Snyder: Bloodland. Europe between Hitler and Stalin], *Eszmélet*, 125. (2020 tavasz): 179–233.

A. I. MILLER, D. EFREMNKO (red.), *Metodologicheskie voprosy izuchenii politiki pamiati* [Methodological Issues of Studying the Politics of Memory] (Moskva, Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia, 2018).

A. I. MILLER, D. EFREMNKO (red.), *Politika pamiati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The Politics of Memory in Modern Russia and Eastern Europe: Actors, Institutions, Narratives] (Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020).

DENIS NEVIADOMSKII, *Zakon o dekomunizatsii: sootvetstvuiut li sredstva presleduemoi legitimnoi tseli?* [Law on Decommunization: Do the Means Correspond to the Pursued Legitimate Aim?]

https://zib.com.ua/ua/141170-zakon_o_dekomunizacii_sootvetstvuyut_li_sredstva_presleduem.html (Accessed 21.03.2021).

PETER PASTOR, „Fényképek mint történelmi dokumentumok. Jevgenij Haldej két, Budapesten készült fotójának vizsgálata” [Photographs as Historical Documents: Examination of Two Photographs of Yevgeny Khaldey Taken in Budapest], *Eszmélet*, 121. (2019. tavasz): 105-117.

GERGELY PÉTERFFY, „Vasutasok és a szovjet megszállók, 1944-1946” [Railwaymen and the Soviet Invading Troops, 1944-1946], *Belvedere*, no. 2 (2019): 46. http://www.belvedere-meridionale.hu/wp-content/uploads/2019/02/03_%20P%C3%A9terffy_2019_02.pdf <https://doi.org/10.14232/belv.2019.2.3>

IGNÁC ROMSICS, *Magyarország története* [The History of Hungary] (Budapest, Kossuth Könyvkiadó, 2017), 420.

Rosszia prosit ESPCH priznat' diskriminatsiei zapret russkogo iazyka na Ukraine [Russia Asks the ECtHR to Recognize the Ban on the Russian Language in Ukraine as Discrimination] <https://tass.ru/politika/11959949> (Accessed 21.03.2021).

GRZEGORZ ROSSOLIŃSKI, „Liebe and Per Anders Rudling, Review of Krytyka (Hrsg.): Krytyka. Hefte 3-4; 7-8; 9-10”. Kyiv, 2010, In *H-Soz-u-Kult*, June 15, 2011

VLADIMIR RUVINSKII, *Rusofobia kak universal'noe ob'iasnenie. Kak termin „rusofobia” primeniatsia vo vnutrennei i vneshnei politike* [Russophobia as a Universal Explanation: How the Term „Russophobia” is Used in Domestic and Foreign Policy]

<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/12/24/790192-rusofobiya> (Accessed 21.03.2021).

RICHARD SANDERS, „Hogyan talált otthonra Kanadában a kelet-európai hidegháborús fasizmus?” [How Eastern European Cold-War Fascism Found a Home in Canada], *Eszmélet* 132. (2021 tél): 38-48.

ANDREI SIDORCHIK, „Prigovorenniaia v SSSR”. Kak pogibshuii v Osventsime vydaiut za zhertvu GULAGa [Sentenced in the USSR. How the Deceased in Auschwitz is Passed off as a Victim of the Gulag]

https://aif.ru/society/people/prigovorennaya_v_sssr_kak_pogibshuyu_v_osvencime_vydayut_za_zhertvu_gulaga (Accessed 28.02.2021).

ALEKSANDR SOLZHENITSYN, *Az „orosz kérdés” a XX. század végén* [„The Russian Question” at the End of the Twentieth Century] (Budapest: Európa Könyvkiadó, 1997).

KLAUS WIEGREFE, *NATO's Eastward Expansion: Is Vladimir Putin Right?*

<https://www.spiegel.de/international/world/nato-s-eastward-expansion-is-vladimir-putin-right-a-bf318d2c-7aeb-4b59-8d5f-1d8c94e1964d>

V. N. ZEMSKOV, *O masshtabakh politicheskikh repressii v SSSR. Skvoz' debri spekulatsii, izvrashchenii i mistifikatsii* [On the Scale of Political Repressions in the USSR: Through the Wilds of Speculation, Perversion and Hoaxes] <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=783> (Accessed 21.03.2021).

V. NY. ZEMSKOV, *A Gulag – Tényekben, adatokban* [The Gulag – In Facts and Figures] (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 1991).